

* * *

Пока деревья были меньше,
чуть выразительней травы,
ладошки некогда умерших
моей касались головы.

Пока дома стояли вровень,
их тени так же вровень шли.
Кольцо больших и малых родин
сжималось в области души.

Пока созвездия сливались
в одну немыслимую нить,
я мог два слова боль и зависть
на десять букв разъединить.

* * *

Стоял у берега моря, и море
 было совсем синим,
бежал по равнине, и равнина
 была совсем узкой,
и видел горы, и в каждом камне
 видел своего сына,
и видел дочь свою в каждом
 пологом спуске.

Руки тянул вперёд, пальцы,
будто слепец, на ощупь,
пил воздух, был воздух полон
грозы, был полон,
открывал глаза, и день
представлялся ночью,
закрывал, и ночь была светлее
июньского полдня.

И поднимал голову, и голова
была выше солнца,
и смахивал пот со лба, пока
стоял, бежал, смотрел я,
и если был вокруг меня так
называемый социум,
то он был для меня не более чем
иная материя.

ПЕСОЧНИЦА

*Вспомнишь на даче осу,
Детский чернильный пенал,
Или чернику в лесу,
Что никогда не собирал.
Осип Мандельштам*

Не тень цветущего каштана —
побеги от скрещённых спичек.
Вот этот низенький куличик
пусть будет холмик
Мандельштама.

Какая, в сущности, умора
произносить: никто не вечен.
Пиковой маковкой увенчан
свод жестяного мухомора.

Песок рассыпчатый, неловкий,
чуть намочить его из лейки.
На разноцветные скамейки
сядутся божие коровки.

От песнопений карусели
до колокольного разлива.
И скорбь воистину красива,
чиста, как детское веселье.

* * *

Когда не станет смерти никакой —
ни медленной, ни скорой —
никакой,
щемящий неминуемый покой
миры наполнит жизнью
никакой —
ни медленной, ни скорой —
никакой.

И мы одни с тобой (рука в
руке)
пойдём к реке, и будем налегке,
и перейдём ту реку налегке —
рука в руке — моя в твоей руке
спульсирует, как рыба в
тростнике.

И снова станет жизнь такой,
какой
была до самой смерти никакой,
и снова станет смерть такой,
такой,
какой была до жизни никакой,
какой была и — никакой другой.

* * *

«Не убоится верности
предавший» —
ввернёшь и замолчишь на пару
дней,
обдумываешь реплику: чем
дальше
уходишь в речь, тем паузы
длинней.

«Не убоится пастыря
 зablудший» —
и тишина, хоть колоколом бей,
величественна поза, лик: чем
 глубже
суждения, тем выглядишь
 глупей.

«Не убоится вечности
 убивший» —
молчание, по-гамлетовски тих,
взволнован как ребёнок, но чем
 ближе
тебе слова, тем непонятней стих.

* * *

Три года мне, и было мне
 когда-то
всегда три года, словом, ерунда,
и падал снег, вставал и снова
 падал,
и было так светло, как никогда.

И было так воистину спокойно,
и тихо так, что не хватало сна.
Я лез на стул, потом на
 подоконник,
смотрел в окно и прыгал из окна,
и падал в снег, вставал и снова
 падал,
и вырастал на четверть головы.
Оно мне надо было? Надо, надо,
увы.

* * *

Снова зима, и снег за окном
величиной с горошину,

и нет ничего плохого в том,
что нет ничего хорошего.

Это всё сна небывалый путь,
коего так не хватало.
Холодно, некому подоткнуть
краешек одеяла.

Выйду во двор, пойду босиком,
как по траве некошенной,
и — нет ничего плохого в том,
что нет ничего хорошего.

Если зима и если кругом
белого неба крошево,
то нет ничего плохого в том,
что нет ничего хорошего.

* * *

Научись молиться моим богам:
для начала медленно, по слогам,
округляя рот, расправляя плечи,
постигая смыслы печатной речи.

Всё быстрее, мягче, в конце
 концов
уберёшь в сторонку молитвослов
и, слегка сбиваясь, за фразой
 фразу
повторишь на память. Конечно,
 сразу

не сумеешь, но не гневи богов,
если спать пойдёшь, не увидишь
 снов,
потрудись ещё, перечти и снова
отведи глаза от молитвослова.

За печатной речью не виден край,
научись молиться, потом — ругай,

разучи молитвы, потом — суди
до морщин, до судорог,
до седин,
до потери пульса, до кома
в горле,
остановки сердца, удушья,
астмы...

Верю: нету богов покорней,
знаю: боги мои всевластны.

* * *

Это жизни моей торжество:
с теплотой неземною
вынимать из кровати того,
кто считается мною,

ставить на ноги или держать
на весу, не роняя,
выдавая пустую кровать
за преддверие рая.

Вот и доброе утро, страна,
слишком доброе утро.
Я почти отошёл ото сна,
улыбнулся как будто,

и, нащупав рукой пустоту
на соседней подушке,
потянулся, отмеря версту
от мысков до макушки.

По холодному полу туда,
где находится ванна,
и сказал, что уйду навсегда,
и ушёл, как ни странно...

